Список литературы

1. Атутов П.Р. Политехническое образование школьников.М.: Педагогика, 1990.
2. Грачева Н.П. О комплексном использовании средств наглядности в овладении грамматической стороной устной речи //Иностранные языки в школе.2001.№ 1.
3. Полат Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2000. №1.
4. Чечель И. Метод проектов // Директор школы. 2010. №3-4.

Об авторе

Изотикова Т.Д.- кандидат педагогических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.

УДК 415.2:43-07

ТРАНЗИТИВНО-ИНТРАНЗИТИВНЫЕ СИТУАЦИИ – ВАРИАНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ В РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА И ИХ ПЕРЕВОДОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)

И. В. Корытко

В данной статье рассматриваются некоторые варианты транзитивно-интранзитивных ситуаций, реализующие значение переходности / непереходности в речи. При характеристике названных ситуаций учитываются значение грамматической формы, лексические значения глагола и имени существительного, контекстуальное окружение.
***Ключевые слова**: транзитивность / интранзитивность, залоговость, предикатно-объектные отношения, предел.*

Сфера транзитивности/интранзитивности в русском языке включается в сферу залоговости и представляет собой один из её аспектов [1, с. 194]. Согласно концепции функционально-семантического поля залоговости, развиваемой в работах А. В. Бондарко (1972, 1976, 1987, 1991, 2002, 2005), данная сфера, входящая в общую для всех сфер залоговости понятийную зону *субъект – понятие действия – объект*, основывается на языковой интерпретации отношения понятия действия к логическому объекту, выражаемого в сочетаемости / несочетаемости глагола-сказуемого с прямым дополнением в форме винительного падежа [2, с. 127].

Предметом анализа данных отношений на уровне высказывания выступает функционирование транзитивно-интранзитивных содержательных структур во взаимодействии с элементами разных языковых уровней, прежде всего, лексического и синтаксического. Функционирование транзитивно-интранзитивных содержательных структур в данной статье рассматривается на примере русского и английского языков. Основанием для их сравнения выступает универсальный семантический инвариант «*действие – объект*», языковым представлением которого выступает переходность / непереходность как характеристика глагольного действия в его соотношении с элементами структуры предложения, что позволяет выявить различия в средствах формального выражения и языковой семантической интерпретации [3, с. 26].

Используя понятие транзитивно-интранзитивной ситуации, мы предприняли попытку выявить некоторые варианты переходности / непереходности с точки зрения характеристики глагольного действия в его отношении к объекту и с учетом аспектуальной характеристики действия [4, с. 619]. Значимым для нашего рассмотрения является аспектуальный признак «предельность», сообщающий о наличии в семантике глагола внутреннего предела действия: естественного результата или перехода в новое состояние.

По признаку сопряженности транзитивности с лимитативным значением можно выделить: 1) «чистые» транзитивно-интранзитивные и 2) сопряженные с лимитативностью транзитивно-интранзитивные ситуации с характерным набором семантических признаков.

Рассмотрим данные варианты транзитивно-интранзитивных ситуаций, как они отразились в анализированных текстах.

1.«Чистые» транзитивно-интранзитивные ситуации, характеризующиеся семантическими признаками:

а) переходный глагол – непереходный глагол с результативной семантикой:

(1) *Мы, мужчины, любили эту голубоглазую девочку, не «влюбились», а любили* [1, 1, с. 160].

Транзитивная ситуация, характеризующаяся внешней обращенностью предикативного признака (*любили девочку*), представлена сочетанием переходного глагола с именем существительным. Употребление указательного местоимения (*эту*), индивидуализирующего объект, повышает транзитивность ситуации, которая противопоставлена последующей интранзитивной ситуации с непереходным возвратным глаголом результативной семантики (*влюбились*). Примечательно использование потенциально переходного глагола (*любили*) в интранзитивной ситуации: значимое отсутствие прямого дополнения замыкает действие в сфере субъекта, усиливая значение интранзитивности в данной ситуации.

В английском варианте текста транзитивная ситуация представлена переходным глаголом (*to love*), интранзитивность последующей ситуации передана описательной непереходной конструкцией

(*to be in love with*) со стативной семантикой. Английский глагол *to love*, семантика которого требует обязательного вовлечения в действие объекта, не может быть использован абсолютивно и автором перевода опущен в конце предложения:

(1а) *We men loved the little blue-eyed girl, but we were not in love with her* [2, p. 28].

Рассмотрим ещё один пример:

(2) *Я ем и этих...* (3) *Наконец ем салфетку, тарелку, калоши отца, белую вывеску...* (4) *Ем всё, что только попадется мне на глаза, потому что я чувствую, что только от еды пройдет моя болезнь* [1, 3, с. 133].

Транзитивные ситуации (*ем и этих*, *ем салфетку, тарелку, калоши отца, белую вывеску, ем всё*), характеризующиеся внешней обращенностью предикативного признака, представлены сочетанием переходного глагола НСВ (*ем*) с именем существительным в винительном падеже. В данных транзитивных ситуациях (2), (3), (4) прослеживается увеличение смысловой емкости транзитивного значения за счет: лексического значения управляемой формы указательного местоимения с союзом *и этих* (сочетание с союзом *и* передает значение дополнительности); расширения однородного ряда функционально тождественных словоформ *салфетку, тарелку, калоши, белую вывеску* (значение множества); лексического значения обобщающего слова *всё* (значение обобщения, полноты перечисления). Транзитивная ситуация соотносится с последующей интранзитивной ситуацией (*пройдет*), представленной непереходным глаголом с результативной семантикой, как следствие предшествующей процессной ситуации.

Транзитивной ситуации в русском тексте также соответствует транзитивная ситуация в английском варианте текста, которая характеризуется внешней обращенностью глагольного признака и представлена сочетанием переходного глагола с местоимением (2а), (3а) и существительным (4а). Наличие в контексте последующей ситуации каузативной семы «воздействие» (*...только от еды пройдет...*), а также строго аналитическое построение английского предложения дают возможность переосмыслить ролевую функцию участников ситуации и представить ситуацию как переходную. Этому способствует и лексическое значение английского фразового глагола *to take away*, требующего прямого дополнения:

(2а) *I ate them too. . . .* (3а) *At last I ate the table-napkin, the plate, my father's goloshes, the white placard . . .* (4а) *I ate everything that caught my eye, because I felt that nothing but eating would take away my illness* [3].

б) переходный глагол – непереходный некаузативный глагол:

(5) *Аптекарша <…>, слушает их болтовню и скоро сама оживляется* [1, 5, с. 195].

Транзитивная ситуация (*слушает болтовню*), характеризующаяся внешней обращенностью предикативного признака, представлена переходным глаголом в сочетании с именем существительным в винительном падеже. Данная ситуация противопоставлена последующей интранзитивной ситуации как результат предшествующей. Сосредоточенность действия в сфере субъекта подкрепляется личным местоимением (*сама*). Интранзитивность ситуации представлена непереходным возвратным некаузативным глаголом (*оживляется*). В английском варианте текста обе ситуации представлены как интранзитивные. Глагол *to listen* управляющий предложной фразой, позволяющей лишь упомянуть объект, является непереходным. Последующая интранзитивная ситуация также представлена непереходной описательной конструкцией (*to grow lively*), затрагивающей только сферу субъекта действия. В результате, сочетание непереходного глагола (*to listen*) с непереходной конструкцией (*to grow lively*) не образует оппозицию переходности / непереходности и не представляет собой типовую ситуацию:

(5а) *The chemist's wife <…>, listened to their chatter, and soon she, too, grew quite lively* [3].

2. Сопряженные с лимитативностью транзитивно-интранзитивные ситуации, характеризующиеся семантическими признаками:

а) переходный каузативный глагол со значением достижения предела – непереходный декаузативный глагол:

(6) *Я забыл, что я увлек девушку и сам начал уже увлекаться ею до того, что ни одного вечера не был в состоянии провести без ее общества <…>* [1, 3, с. 306].

Транзитивная ситуация, характеризующаяся внешней обращенностью предикативного признака (*увлек девушку*) соотносится с лимитативной ситуацией, связанной с полным переходом действия на объект и доведенным до определенного предела состоянием объекта. Измененное состояние объекта транзитивно-лимитативной ситуации ведет к возникновению последующей интранзитивной ситуации, с измененной направленностью предикативного признака. Замкнутость действия в сфере субъекта передается сочетанием с непереходным возвратным глаголом (*увлекаться*), который в данной ситуации является контекстуальным декаузативом (см. [5, с. 330-336]), а также сочетанием с местоимением (*сам*).

В русском тексте непереходный глагол (*увлекаться*) с возвратным формантом -ся сохраняет основное лексическое значение переходной лексемы (*увлек*). В английском варианте производная пара не образуется, для передачи непереходного значения использована описательная конструкция с синонимичным лексическим значением (*to be taken with*). Интранзитивность ситуации также передается сочетанием с обстоятельством *in turn* (в свою очередь):

(6а) *I forgot that I had captivated the girl and that I in turn had been so taken with her that I was unable to spend a single evening without her company* [4, p.74].

б) переходный каузативный глагол со значением достижения предела – непереходный глагол со стативной семантикой.

(7) *Танцы утомили ее, но изнемогала она телом, а не душой...* [1, 5, с. 243].

Транзитивная ситуация представлена сочетанием переходного глагола и местоимения (*утомили ее*). Инфинитив глагольной лексемы *утомили* содержит показатель переходности – формант -ить. Транзитивность ситуации также обеспечивается за счет каузативной семы «воздействие» в семантике глагола *утомить* и определяет статус предиката как действия, а не процесса или состояния. Лимитативная ситуация связана с полным переходом действия на объект, состояние которого, достигнув предела, изменяется. В целом, транзитивно-лимитативный комплекс (*утомили ее*) ведет к возникновению последующей интранзитивной ситуации (*изнемогала*), выраженной непереходным деноминативным глаголом, инфинитив которого содержит показатель непереходности – формант -ать.

Отсутствие одушевленного каузатора позволяет в английском варианте текста использовать непереходный глагол (*danced*). Лимитативное значение передано как временным придаточным предложением (*till she was ready to drop exhausted*), в котором описательно передано новое состояние объекта, так и с помощью повтора лексемы *danced*, актуализирующего нарастающий процесс, стремящийся к пределу и предваряющий новое состояние. Для обозначения непереходности последующей интранзитивной ситуации использована описательная конструкция с глаголом to be, передающим и стативное значение (*was exhausted*):

(7a) <…> *she danced without pausing for breath – danced till she was ready to drop exhausted. But though she was exhausted in body, her spirit was inexhaustible…* [3].

При анализе транзитивно-интранзитивных ситуаций выявляется взаимосвязь вариантов переходности / непереходности с лексическими значениями глагола, управляемыми формами имени существительного, контекстом. Семантика переходности / непереходности в рассмотренных нами вариантах ситуаций в русском языке осложняется дополнительными лимитативным, некаузативным, декаузативным, результативным и стативным значениями, которые в английском языке чаще всего передаются описательными конструкциями, эксплицитно выражающими данные значения, а также средствами контекста.

Мы рассмотрели лишь некоторые варианты транзитивно-интранзитивных ситуаций, однако лексико-синтаксическое разнообразие, существующее для передачи предикатно-объектных отношений в русском языке, требует более тщательного исследования сферы транзитивности / интранзитивности, в том числе и во взаимосвязи с другими аспектами залоговости.

In this article the author gives several transitive-intransitive situations the way they are presented in speech. The characterization of the given situations is done with consideration to the meaning of the grammatical form, the lexical meaning of the verb and the noun as well as the contextual surrounding.
***The key words**: transitivity / intransitivity, voice, predicate-object relations, limit.*

Список литературы

1. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005. 624 с.

2. Бондарко А. В. К определению понятия «залоговость». Активность и пассивность // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С.125-141.

3. Бондарко А. В. Категориальные ситуации // Вопросы языкознания. 1983. № 2. С. 20-33.

4. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики. На материале русского языка. «Языки славянской культуры». М., 2002. 736 с.

5. Долинина И.Б. Категория переходности в ее отношении к лексике и синтаксису // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / Неопределенность. СПб., 1992. С.125-141.

Источники

1. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 1, 3, 5. М.: «Наука», 1975.

2. Chekhov Anton, The Image of Chekhov. Forty stories. (translated by Robert Payne). New York. 1971. 345 p.

3. Chekhov Anton, 201 Stories (translated by Constance Garnett). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ibiblio.org/eldritch/ac/jr/index.htm

4. Chekhov Anton, The Shooting Party (translated by Ronald Wilks). Penguin Classics. 2004. 199 p.

Об авторе

Корытко И. В. — аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.